

Библейско-богословская коллекция

История древней Церкви

Лебедев А.П.

**БОРЬБА
ХРИСТИАНСКОЙ
ЦЕРКВИ
ДРЕВНИХ ВРЕМЕН
ПРОТИВ АЗАРТНЫХ ИГР**

Душеполезное чтение, 1889, I, № 4, с. 390-417

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

БОРЬБА ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ

ПРОТИВЪ УВЛЕЧЕНІЯ АЗАРТНЫМИ ИГРАМИ.

Значеніе поставленнаго въ заглавіи вопроса для нашего времени.— Понятіе объ азартныхъ играхъ — Азартныя игры въ древнемъ языческомъ мірѣ—у Грековъ и Римлянъ.—Азартныя игры этихъ народовъ: ихъ происхожденіе; два вида игры въ кости,—игра въ пешки или шашки. — Особенная игра посредствомъ монетъ. — Преимущественное распространеніе игръ въ кости.—Гдѣ онѣ производились и степень пристрастія къ нимъ.—Увлеченіе играми—въ особенности въ кости—въ некоторыхъ древнихъ христіанъ на Востоцѣ и главнымъ образомъ на Западѣ (доказательства этого).—Борьба древней Восточной и Западной Церкви противъ этого увлеченія: обличенія пристрастія къ играмъ — со стороны церковныхъ писателей того времени; прещенія правилъ церковныхъ противъ этогоже явленія. Содержаніе трактата: „объ игрокахъ“, приписываемаго св. Виктору, папѣ Римскому.—Нѣсколько общихъ замѣчаній въ видѣ заключенія.

Нашъ такъ-называемый «нервный» вѣкъ, по этой ли причинѣ или какой другой, страдаетъ всякаго рода увлеченіями. Увлекается кто чѣмъ. Между этими увлеченіями видное мѣсто занимаетъ страсть къ азартнымъ играмъ — въ видѣ карточной игры у насъ, Русскихъ, и рулетки на Западѣ.

Азартными играми называются такія, счастливый исходъ которыхъ для игрока зависить не отъ тонкости соображенія, а отъ слѣпago счастья, такія, которыя ведутся съ прямою цѣлю наживы или выигрыша, словомъ—такія, которыя нашими гражданскими законами воспрещено производить въ

публичныхъ мѣстахъ, напримѣръ клубахъ. Какія это игры, указывать на это не входитъ въ нашу задачу, тѣмъ болѣе, что большинству лицъ это хорошо извѣстно.

Наша задача а) заключается въ томъ, чтобы впервыхъ раскрыть несомнѣнно-языческое, слѣдовательно печистое, происхожденіе такъ-называемыхъ азартныхъ игръ; вовторыхъ указать на печальный фактъ увлеченія этими играми со стороны нѣкоторыхъ—многихъ или немногихъ, трудно рѣшить,—христіанъ древности,—указать не для того, чтобы въ слабости другихъ найти оправданіе нашей современной слабости, а для того, чтобы разъяснить, какой это застарѣлый недугъ и какъ, поэтому, необходимо его серьезное леченіе; втретьихъ, дать нѣсколько уроковъ, извлеченныхъ изъ практики древне-христіанской Церкви, уроковъ, поучительныхъ и внушительныхъ для любителей азартныхъ игръ въ наше время.—Мы не чувствуемъ себя призванными поучать кого-либо, но наша цѣль будетъ вполне достигнута, если кто-либо изъ людей увлекающихся азартными играми задумается о пагубности своего поведенія и станетъ благоразумнѣе, или по крайней мѣрѣ, если не знающіе этой жалкой страсти найдутъ въ нашихъ рѣчахъ нѣкоторое подкрѣпленіе для своей благой воли б).

а) Въ качествѣ источяниковъ и пособій для нашей статьи будетъ слѣдующее: 1) Harnack. Tractat De aleatoribus—die älteste lateinische christliche Schrift. Лейпцигъ, 1888. 2) Свидѣтельства древнихъ христіанскихъ писателей и правила соборовъ (цитированіе будетъ сдѣлано въ текстѣ статьи). 3) Pauly's. Real-Encyklopedie der classischen Alterthumswissenschaft. Band I, Artikel: Alea. Stuttgart. 1854. 4) Любкера—Реальный словарь классической древности. Переводъ Модестова. Выпускъ 5-й, артикуль: Игры. Петерб. 1887.

б) Впрочемъ, нужно сказать, что и всякая игра на деньги (напримѣръ игра въ карты), хотя бы она и не считалась законами азартною, на дѣлѣ можетъ становиться азартною. Потому что игроки могутъ играть, что называется, „по большой“ (на крупныя суммы), вслѣдствіе чего даже дозволенная игра можетъ принимать характеръ азартной игры; притомъ же почти никогда игра на деньги не обходится безъ ссоры и часто крупныхъ неприятностей между игроками. Слѣдовательно, каждый человекъ, играющій на деньги, нуждается въ предостереженіяхъ и урокахъ благоразумія.

Начнемъ нашъ очеркъ описаніемъ азартныхъ игръ у древнихъ Грековъ и Римлянъ не только для того, чтобы показать чисто-языческое происхожденіе явленія, но и для того, чтобы надлежащимъ образомъ понимать свидѣтельства древне-церковныхъ писателей и правилъ соборныхъ, направившіяся къ изобличенію пагубности азартныхъ игръ и несоотвѣтствія ихъ съ достоинствомъ христіанъ. Нужно помнить, что свидѣтельства эти возникли по поводу игръ, хотя и азартныхъ, но мало похожихъ на наши извѣстныя азартныя игры, а потому слова древне-церковныхъ писателей и отцевъ соборовъ будутъ для насъ совсѣмъ не ясны, если мы напередъ не познакомимся съ тѣмъ, какимъ именно азартнымъ играмъ предавались язычники — Греки и Римляне, а по ихъ непохвальному примѣру, къ сожалѣнію, и нѣкоторые изъ древнихъ христіанъ. — Происхожденіе азартныхъ игръ теряется въ глубинѣ языческой древности. Одни изъ языческихъ писателей утверждаютъ, что изобрѣтателемъ игры въ кости былъ египетскій богъ Теуть; другіе честь или безчестіе этого изобрѣтенія приписываютъ герою, упоминаемому Гомеромъ — Паламеду. По древне-римскимъ представленіямъ изобрѣтателемъ тойже игры въ кости былъ какой-то неизвѣстный теперь по имени образованный чело-вѣкъ, который пожелалъ достигнуть божескихъ почестей и поставилъ себѣ статую, на которой онъ былъ изображенъ въ сидячемъ положеніи съ игральною доской въ рукахъ; это будтобы повело къ тому, что его стали считать изобрѣтателемъ игръ и въ самомъ дѣлѣ стали воздавать ему божеское почтеніе посредствомъ жертвъ. Конечно, эти рассказы приведены нами не съ тѣмъ, чтобы разбираться въ томъ, чьи извѣстія вѣрнѣе (всѣ извѣстія равно не заслуживаютъ вниманія), но единственно затѣмъ, чтобы показать, въ какой тѣсной связи азартныя игры, по своему происхожденію, стоятъ съ языческою мнѣологіей, этимъ источникомъ языческаго суевѣрія и безнравственности.

Какія же азартныя игры извѣстны были у древнихъ языческихъ народовъ Грековъ и Римлянъ? Такихъ игръ было

нѣсколько. Болѣе извѣстій сохранилось о болѣе распространенной изъ этихъ игръ и наиболѣе азартной—игрѣ въ кости (она называлась: *alea*). Различаются два вида игры въ кости. Первый видъ этой игры носилъ названіе: «кивы» (*κύβοι*, а у Латинянь: *tesserae*; оба эти слова означаютъ игорныя кости). Кивы представляли собою равносторонніе кубики и дѣлались изъ различныхъ твердыхъ матеріаловъ. Каждая изъ шести сторонъ такихъ кубиковъ имѣла по цифрѣ, начиная отъ 1 и кончая 6; эти цифры размѣщены были такъ, что двѣ цифры, находящіяся на двухъ противоположныхъ сторонахъ всегда давали въ суммѣ число 7. Слѣдовательно на двухъ противоположныхъ сторонахъ цифры были размѣщены такъ: 1 и 6; 2 и 5; 3 и 4. Другой видъ игры въ кости составляли: астрагалы (*αστραγάλοι*, а у Латинянь: *tali*, оба эти слова значатъ собственно кости или позвонки); они дѣлались изъ позвоночныхъ костей нѣкоторыхъ животныхъ, но также приготовлялись и изъ другихъ матеріаловъ; они имѣли видъ нѣсколько удлиненный по сравненію съ кивами. Астрагалы были тоже шестисторонніе: двѣ стороны въ нихъ были довольно гладкія, третья выпуклая и четвертая вогнутая (вдавленная); оба верхніе концы астрагаловъ были суженные и закругленные, такъ что этотъ сортъ игральныхъ костей не давалъ возможности въ игрѣ ложиться астрагаламъ этими закругленными сторонами, по крайней мѣрѣ это должно было случаться рѣдко и считалось неправильнымъ «ходомъ», позволявшимъ игроку повторить игру. Гладкія стороны астрагаловъ помѣщались на двухъ противоположныхъ ихъ сторонахъ и одна изъ этихъ сторонъ имѣла на себѣ цифру 3, а другая — 4; сторона выпуклая отмѣчена была цифрой 6, а вогнутая—цифрой 1. Цифры же 2 и 5 совсѣмъ отсутствовали на астрагалахъ.—Не всегда цифры писались на игральныхъ костяхъ, иногда онѣ замѣнялись соотвѣтствующимъ числамъ точекъ или, какъ принято говорить, очковъ. Самая игра какъ въ кивы, такъ и астрагалы, происходила слѣдующимъ образомъ: устроилась гладкая доска, которая называлась различно, но всѣ эти названія означаютъ «игор-

ная доска»; края ея были нѣсколько приподняты, чтобы кости во время игры не выскакивали за ея предѣлы (форма доски намъ неизвѣстна). На эту доску игроки бросали или кивы, или астрагалы. Чтобы избѣжать плутни при этомъ бросаніи, самое бросаніе производилось не руками, а особымъ снарядомъ, который мы сейчасъ и опишемъ. Устраивалось на доскѣ нѣчто въ родѣ небольшой башенки (такъ этотъ снарядъ и назывался у древнихъ: башенкой или крѣпостью), которая кверху суживалась, а книзу расширялась; она имѣла два отверстія одно вверху, куда металась кость, и другое внизу, откуда она выкатывалась на доску; внутри башенки дѣлалась маленькая винтовая лѣстница со ступеньками, по которымъ и катились кости, по пути нѣсколько разъ перевертываясь, прежде чѣмъ достигнуть игорной доски. Башенка сооружалась или изъ дерева, или слоновой кости, или же изготовлялась изъ рога. Хотя снарядъ этотъ выдуманъ былъ для избѣжанія плутни, но обманъ все-таки встрѣчался: случилось, что игральныя кости наливали свинцомъ такъ, что онѣ всегда ложились одной и тойже стороною, которая условливалась выигрышъ.—Для азартной игры кивами употреблялось сначала два, а потомъ три этого рода кости. Выигравшимъ, повидимому, считался тотъ, кто при бросаніи костей чрезъ башенку на доску, на обращенной кверху сторонѣ этихъ костей имѣлъ наибольшее число очковъ. Различная сумма чиселъ, получаемыхъ при подобномъ счетѣ, обозначалась между игроками на ихъ игорномъ языкѣ различными именами, взятыми изъ царства природы, исторіи и т. д. Между этими именами встрѣчались и совершенно неприличныя. Различали хорошіе и худые «ходы». Игра же въ астрагалы производилась четырьмя костями этого разряда. Существовали опредѣленные правила, по которымъ извѣстное сочетаніе цифръ на четырехъ астрагалахъ, бросаемыхъ чрезъ вышеуказанный снарядъ на игорную доску, условно считалось особенно счастливымъ и дающимъ неоспоримый выигрышъ, или же крайне несчастливымъ. Лучшимъ «ходомъ» принято было считать тотъ, когда четыре астрагала на сто-

ронахъ, обращенныхъ кверху показывали послѣ метанія слѣдующія цифры: 1. 3. 4. 6. Этотъ «ходъ» назывался Венера (богиня). Худшимъ ходомъ считался такой, который на тѣхъже сторонахъ, обращенныхъ кверху, давалъ цифры: 1. 1. 1. 1. Этотъ самый несчастливый «ходъ» назывался собака (canis). Различныя сочетанія цифръ на астрагалахъ, получаемыхъ при метаніи, имѣли подобно самому счастливому и самому несчастному ходу (Венера, собака) различныя принятія на языкѣ игроковъ именования; эти наименованія заимствовались отъ именъ боговъ, знаменитыхъ мужей, гетеръ, зоологическихъ видовъ царства природы и пр. Съ перваго взгляда представляется непонятнымъ, почему самымъ лучшимъ ходомъ въ игрѣ астрагалами принято было считать цифры: 1. 3. 4. 6, что составляетъ сумму 14 очковъ, а не какія-либо другія цифры, высшія цифры, сумма которыхъ могла даже достигать цифры 24 (4×6). Разсматривая цифры, составляющія самый счастливый ходъ (Венеры): 1. 3. 4. 6, видимъ, что здѣсь цифры всѣ разныя; на этомъ основаніи можно утверждать, что указанное сочетаніе цифръ считалось самымъ удачнымъ ходомъ въ виду именно этого обстоятельства, т.-е. различія очковъ, показываемыхъ четырьмя астрагалами послѣ ихъ метанія. Можно было бы возстановить и другія подробности древней игры въ кости, разъясняющія условія и правила этой игры, но въ этомъ не представляется надобности.

О другихъ играхъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, играхъ, принимавшихъ азартный характеръ, скажемъ коротко. Кромѣ игры въ кости у этихъ народовъ принята была игра на шахматной доскѣ, при чемъ ходили шашками или пешками и камешками. Одинъ видъ этой игры, называвшейся: «городъ», имѣлъ нѣкоторое сходство съ нашей игрой въ шахматы и шашки. Сущность игры сводилась къ тому, чтобы запереть и преградить путь шашкамъ или пешкамъ противника. Шашка, очутившаяся между двумя шашками, принадлежавшими противной сторонѣ, считалась проигранною. По увѣренію ученыхъ (Любкера) нѣкоторые виды этой игры имѣли азарт-

ный характеръ, когда выигрышь зависѣлъ не отъ внимательности и соображенія играющихъ, а отъ слѣпаго случая или счастья. — Существовали у названныхъ древнихъ народовъ еще игры подъ названіемъ «игръ въ нечеть». Здѣсь дѣло исключительно зависѣло отъ неразумнаго случая. Играли главнымъ образомъ при посредствѣ денегъ. Эта игра велась такимъ образомъ: играющій долженъ былъ отгадать, четное или нечетное число монетъ находится у другаго въ рукѣ. Игра простая, но несомнѣнно азартная. Эта же игра принимала иногда другой видъ, сохраняя свой главный характеръ. На игорную доску клали произвольное число игорныхъ костей (съ цифрами), покрывали ихъ рукой и предлагали угадать другому: четное или нечетное число насчитывается на прикрытыхъ костяхъ. Въ случаѣ, если спрошенный угадаетъ, спрашивающій, конечно, считался проигравшимъ.

Древніе Греки и Римляне предавались азартнымъ играмъ при различныхъ обстоятельствахъ и въ различныхъ мѣстахъ. Чаще всего играли въ кости; игра эта представлялась тогда наиболѣе завлекательною. Играли въ кости прежде всего въ семейныхъ кружкахъ. Конечно, это наиболѣе невинный родъ игры. Игра въ кости была принята въ качествѣ пріятнаго занятія, которымъ гостепрѣимный хозяинъ развлекалъ гостей послѣ званаго обѣда, въ особенности во время питья вина, которое древніе пили послѣ обѣда. Таже игра въ кости была принадлежностію публичныхъ домовъ. Игрокъ былъ улавливаемъ содержателемъ публичнаго дома, который ловко и хитро отнималъ у посѣтителя и цѣломудріе и кошелекъ. Были, наконецъ, игорные притоны, гдѣ ничѣмъ больше не занимались, кромѣ игры. Эти притоны, кажется, нерѣдко устраивались подъ открытымъ небомъ. Для игры въ кости въ этомъ случаѣ предпочтительно выбирались такія мѣста, гдѣ находилась статуя мнимаго изобрѣтателя игры. Игра неразлучно была соединена съ языческимъ суевѣріемъ. Игроки, вѣроятно для счастья, любили именовать себя названіемъ мнимаго божественнаго изобрѣтателя игры. Они приносили жертву этому

изобрѣтателю, какъ богу; мало того: имѣли у себя и предъ собою его статуетки, какъ амулеты, приносящіе счастье. — Когда игра велась семейнымъ образомъ, тогда играющіе предавались игрѣ не столько ради корыстолюбія, сколько для развлечения. Но не такъ было дѣло, когда игра велась въ различныхъ притонахъ. Въ этомъ случаѣ игрой управлялъ и въ нее втягивалъ особый специалистъ-банкометъ. Если дѣло происходило въ домѣ, то двери запирались. Нужно полагать, что игра въ кости, какъ въ настоящее время рулетка, была всегда выгодной для содержателя притона и всегда невыгодной для игроковъ, если не всѣхъ, то большинства ихъ.

Страсть къ азартнымъ играмъ не съ одинаковою силою господствовала въ разные времена Греко-римскаго міра. Что касается очень глубокой древности этого міра, то нѣтъ точныхъ извѣстій, насколько въ эту эпоху распространены были игры, да для нашего вопроса и не особенно важно знать это. Въ періодъ республиканскаго Рима, т.-е. до временъ Р. Христова, азартныя игры считались запрещенными для гражданъ Римскаго государства. Онѣ позволены были только втеченіе того времени года, когда совершался языческій праздникъ Сатурналій. До насъ впрочемъ не сохранилось опредѣленныхъ законовъ, воспреещающихъ игры въ Римской республикѣ, а дошли до насъ лишь частныя правительственныя распоряженія угрожающаго характера относительно азартныхъ игроковъ. Особенному наблюденію подлежали гостиницы въ Римскомъ государствѣ, потому что въ тѣ времена гостиницы были вмѣстѣ съ тѣмъ и публичными домами. Надзоръ за гостиницами былъ порученъ такъ-называемымъ эдиламъ, которые смотрѣли за тѣмъ, чтобы здѣсь не происходило азартныхъ игръ. Игры получаютъ особенное распространеніе въ періодъ такъ-называемаго императорскаго Рима. Теперь стали играть съ особенною страстію и увлеченіемъ. Разумѣемъ I и II вѣка по Р. Хр. Значитъ развитіе страсти къ азартнымъ играмъ въ язычествѣ, къ сожалѣнію, совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда христіанство распространялось и утверждалось въ мірѣ языческомъ. Са-

ми римскіе императоры нерѣдко принадлежали къ страстнѣйшимъ игрокамъ. Такъ любителемъ азартныхъ игръ былъ первый римскій императоръ Августъ. Одинъ изъ его ближайшихъ преемниковъ, императоръ Клавдій (сред. I в.) съ увлеченіемъ отдавался азартнымъ играмъ; ему принадлежитъ сочиненіе «объ игрѣ въ кости» (*De aleae lusu*), которое впрочемъ не сохранилось до насъ. Съ какою страстію, съ какимъ самозабвеніемъ въ это время отдавались азартнымъ играмъ язычники Греки и Римляне разныхъ сословій, объ этомъ сохранилось краснорѣчивое свидѣтельство знаменитаго языческаго врача Галена (II в.). Онъ говоритъ: «нѣкоторые люди во время пиршествъ съ такимъ же увлеченіемъ предаются игрѣ въ кости и шашки, съ какимъ серьезные мужи занимаются благородными науками; тратя время на это неблагородное занятіе, игроки являются чрезвычайно выносливыми, такъ что они готовы бывають претерпѣвать сильный холодъ и чрезмѣрный жаръ (изъ этого видно, что игра велась иногда внѣ дома, на воздухѣ), не чувствуя ни того, ни другаго, такъ что они и голодаютъ, и мучатся жаждою, ночи проводятъ на пролетъ безъ сна и наживають себѣ тяжелыя болѣзни». Въ этихъ словахъ Галена заключается не только описаніе увлеченія играми, но и обличеніе игроковъ.

Христіанство распространялось въ Греко-Римскомъ мірѣ въ то время, когда Греко-Римское государство ослабѣвало нравственно во всѣхъ отношеніяхъ. Это имѣло слѣдствіемъ то, что нѣкоторые болѣе слабые христіане, видя предъ собою недостойные примѣры распущенной жизни язычниковъ, по слабодушію и столь свойственной человѣку склонности подражать въ особенности дурнымъ примѣрамъ, переняли кое-что изъ нравовъ и обычаевъ языческихъ. Они стали увлекаться языческимъ театромъ, грубыми кровавыми зрѣлищами такъ-называемаго амфітеатра (публичнаго цирка), и между прочимъ азартными играми тѣхъ видовъ, о какихъ мы упоминали выше. Къ нашему утѣшенію, однако нужно сказать, что увлеченіе азартными играми стало встрѣчаться среди христіанъ не раньше конца II вѣка, слѣдовательно первен-

ствующіе христіане, жившіе до этого времени и считаемыя нами идеаломъ нравственнаго совершенства, во всякомъ случаѣ остаются достойными своей славы: они не сближались съ міромъ до порабощенія этимъ міромъ.

Увлечение азартными играми встрѣчаемъ въ средѣ нѣкоторыхъ христіанъ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ^{в)}. На Востокѣ это зло втеченіе долгаго времени проявляется въ незначительныхъ размѣрахъ. До VI и VII вѣка здѣсь встрѣчаемъ лишь отдѣльные примѣры пристрастія къ азартнымъ играмъ. Не то видимъ на Западѣ. Западные христіане очень рано начинаютъ увлекаться этимъ жалкимъ дѣломъ (съ конца II вѣка) и не ослабѣваютъ въ своемъ увлеченіи во всѣ времена древней Церкви.

На Востокѣ первые примѣры увлеченія играми указываются въ обществѣ монтанистовъ (въ концѣ II в.), слѣдовательно внѣ Церкви. Правда, монтанисты отличались очень строгими нравами, и примѣры увлеченія среди нихъ играми пожалуй могутъ наводить на мысль, что если монтанисты, эти приверженцы очень строгой нравственной дисциплины, не въ силахъ были бороться противъ страсти къ играмъ, то тѣмъ болѣе члены общества христіанскаго, не доводившіе строгости нравственныхъ правилъ до крайности, тоже легко могли заключать въ своей средѣ слабыхъ братій, не чуждавшихся азартныхъ игръ. Но подобное заключеніе будетъ едва ли вѣрно. Монтанисты больше говорили о строгости правилъ ихъ жизни, чѣмъ исполняли эти правила. У лицемѣрныхъ людей всегда можно встрѣчать больше скрытыхъ пороковъ, чѣмъ у людей не хвлящихся своею добродѣтелью, но за то въ самомъ дѣлѣ руководящихся этою добродѣтелью. Поэтому нисколько не удивительно, что если монтанисты, при ихъ самохвальствѣ совершенствомъ своей жизни, втайнѣ допускали себѣ многія увлеченія, послѣднихъ совсѣмъ не знали дѣйствительные христіане, чуждавшіеся похвалы своими прави-

в) Дальнѣйшая рѣчь наша будетъ идти о древнихъ христіанахъ, т.-е. о христіанахъ отъ II до IX вѣка.

лами и поведеніемъ. Въ Восточной Церкви такого ранняго времени, какъ конецъ II вѣка, увлеченіе играми со стороны христіанъ могло встрѣчаться развѣ изрѣдка, при исключительныхъ условіяхъ, напримѣръ въ такихъ большихъ и распущенныхъ городахъ, какъ Александрія, вторая столица тогдашняго міра. Разумѣемъ свидѣтельство Климента Александрійскаго, который повидимому зналъ нѣкоторыхъ александрійскихъ христіанъ, показывавшихъ наклонность къ достойнымъ осужденія играмъ ¹⁾. Касательно же прочаго христіанскаго Востока, мы, къ счастью, не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ, которыя бы доказывали, что члены восточныхъ христіанскихъ общинъ увлекались азартными играми; и это должно сказать не только о II, но и о III, и IV вѣкахъ. Определенный случай достовѣрнаго характера, случай увлеченія непозволительными съ христіанской точки зрѣнія играми со стороны лица, принадлежащаго къ Церкви, встрѣчаемъ въ V вѣкѣ. Синезій неоплатоническій философъ, обратившись къ христіанству, не оставляетъ своей языческой привычки проводить свободное время въ играхъ, какъ это видно изъ его письма къ своему брату Еволтію, гдѣ Синезій изчисляетъ тѣ удовольствія и привычки, какія ему придется оставить при посвященіи въ епископа, въ котораго его выбрали жители Египетской Птолемаиды. Конечно, принимая во вниманіе этотъ случай, можно повидимому утверждать: если лица философскаго настроенія, въ родѣ Синезія, слѣдовательно самыя серьезныя, увлекались жалкими играми, то тѣмъ естественнѣе допускать существованіе страстныхъ игроковъ въ средѣ христіанъ менѣе просвѣщенныхъ и менѣе строгихъ къ себѣ. Но такое заключеніе намъ кажется поспѣшнымъ. Нужно помнить, что Синезій, несмотря на свой философскій умъ, имѣлъ множество увлеченій; восторныхъ, онъ уже въ зрѣломъ возрастѣ перешелъ отъ язычества къ

1) Большая часть свидѣтельствъ, приводимыхъ нами при разсказѣ о распространеніи игръ между христіанами, не цитируются здѣсь, ибо будутъ процитированы ниже.

христианству и потому не легко могъ бороться съ застарѣлыми недугами, нажитыми имъ въ язычествѣ. Поэтому заключать отъ поведенія Синезія къ поведенію прочихъ христіанъ V вѣка представляется неосмотрительнымъ. Вообще кажется можно утверждать, что увлеченіе азартными играми встрѣчалось не часто между восточными христіанами отъ II по V вѣкъ. Нельзя этого сказать о VI и VII вѣкахъ исторіи христіанскаго Востока. Знаменитый Юстиніанъ въ своемъ законодательномъ кодексѣ даетъ очень ясныя факты, свидѣтельствующіе, что игроки между христіанами VI вѣка размножились и ихъ увлеченіе азартными играми приняло чисто болѣзненный характеръ. Такъ въ одномъ законѣ Юстиніана указывается, какъ далеко простиралась страсть къ азартнымъ играмъ въ его время. Онъ говоритъ, что древняя игра въ кости, на которую до сихъ поръ смотрѣлъ законъ снисходительно, сдѣлалась предметомъ достойнымъ сожалѣнія, потому что виды этой игры размножились и оразнообразились. Мало этого: страсть къ играмъ перешла, по увѣренію Юстиніана, въ какое-то сумасшествіе. Стали предаваться игрѣ, замѣчаетъ онъ, и такія лица, которыя совсѣмъ не знали правилъ игры; они играли въ азартныя игры, зная почти одни названія игръ; тѣмъ не менѣе они играли съ самозабвеніемъ, съ страстію, проигрывали свое состояніе, посвящая играмъ день и ночь и не разбирая играли во всѣ игры. Юстиніанъ не молчитъ, что и самыя лица духовныя вовлекались въ игру и во всякомъ случаѣ съ услаженіемъ смотрѣли на игру другихъ, такъ что ихъ самихъ можно было считать увлекающимися игроками. Отчего зависѣло такое развитіе страсти христіанъ къ азартнымъ играмъ во времена Юстиніана, трудно сказать. Можно полагать, что очень большое число язычниковъ, обратившихся въ это время къ Церкви ради житейскихъ соображеній, принесли съ собою и порчу нравовъ, заразившую членовъ христіанскаго общества. Въ VII вѣкѣ положеніе дѣлъ было не лучше. Пято-шестой (Трульскій) вселенскій соборъ борется противъ увлеченія азартными играми какъ въ средѣ мірянъ,

такъ и клириковъ. Очевидно, число игроковъ было очень значительно и въ VII вѣкѣ между византійскими христіанами. Этотъ соборъ полагаетъ на игроковъ тѣже самыя наказанія, какъ и на любителей сценическихъ представленій; значить увлеченіе играми такъже озабочивало отцевъ собора, какъ и увлеченіе театрами, которое давно сдѣлалось предметомъ порицанія со стороны Церкви, какъ имѣющее много точекъ соприкосновенія съ языческими правами и преданіями. Вотъ что извѣстно о приверженности членовъ восточнаго христіанскаго міра къ азартнымъ играмъ.

Картина выходитъ много мрачнѣе, когда мы посмотримъ, въ какихъ фактахъ проявлялась и какъ далеко простиралась страсть къ разнаго рода непозволительнымъ играмъ на Западѣ, въ средѣ христіанъ латинскаго происхожденія и другихъ національностей. На Западѣ страсть къ азартнымъ играмъ среди христіанъ находимъ сильно укоренившуюся и развитою уже въ концѣ II вѣка. Римскіе христіане этого времени, какъбы забывая свое высокое призваніе, играли съ такимъ же азартомъ, какъ и язычники. Древнѣйшее и обстоятельнѣйшее изобличеніе игроковъ на Западѣ, находящееся въ одномъ древне-латинскомъ сочиненіи, относится учеными къ концу II вѣка и извѣстно подъ заглавіемъ: «Объ игрокахъ». Авторомъ этого суроваго трактата признается св. Викторъ, папа римскій (кон. II). Если это вѣрно, то значить были очень серьезныя причины, заставившія этого папу обратиться съ грознымъ словомъ противъ лицъ, увлекавшихся азартными играми, изъ числа его пасомыхъ. Кароагенскій пресвитеръ Тертуліанъ, жившій немного послѣ Виктора, съ своей стороны, также зналъ и обличалъ азартныхъ игроковъ, хотя они и не принадлежали къ чадамъ православной Церкви. Теперь мы обратимся къ цѣлому ряду замѣчательнѣйшихъ западныхъ свидѣтельствъ, свидѣтельствъ заимствуемыхъ отъ памятниковъ вещественныхъ, но въ высшей степени краснорѣчивыхъ. Разумѣемъ катакомбы, въ особенности римскія, гдѣ находятся гробы древнихъ римскихъ христіанъ. Раскопки послѣдняго времени въ катакомбахъ дали богатый матеріалъ

для характеристики жизни древних христіанъ. По изучаемому нами вопросу катакомбы не молчать; онѣ даютъ ясное свидѣтельство о томъ увлеченіи, съ какимъ христіане эпохи образованія и развитія катакомбъ предавались азартнымъ играмъ. Есть однакожь одно важное неудобство при пользованіи данными, заимствуемыми отъ вещественныхъ памятниковъ катакомбъ. Никто не въ состояніи точно рѣшить, къ какому именно времени относятся эти данныя. Катакомбы возникли въ концѣ I вѣка и оставались въ употребленіи въ качествѣ христіанскихъ кладбищъ до конца IV вѣка. Но нѣмъ не уяснено (да едва ли это и удастся), къ какому вѣку относятся данныя, которыя мы сейчасъ приведемъ. Чтобы не сдѣлать крупной ошибки, можно утверждать одно: такъ какъ съ одной стороны извѣстно, что страсть къ играмъ появилась у римскихъ христіанъ не раньше конца II вѣка, и такъ какъ съ другой стороны съ конца IV вѣка катакомбы перестали быть христіанскими кладбищами, то данныя, о которыхъ у насъ рѣчь, можно вообще относить къ двумъ вѣкамъ христіанской исторіи отъ конца II до конца IV вѣка. Какія же это данныя? Въ гробахъ христіанъ, погребенныхъ въ катакомбахъ изслѣдователи находятъ подлѣ останковъ отъ тѣлъ христіанъ: игорныя кости, доски, употреблявшіяся при этой игрѣ и игорныя марки. Раскопки новѣйшаго времени дали большую массу этого археологическаго матеріала. Прежде думали, что игорныя кости попали въ гробы христіанъ, какъ значки или нумера для счета гробовъ, такъ какъ на игорныхъ костяхъ, какъ извѣстно, находились цифры, или же полагали, что предметы, относящіеся къ игрѣ, помѣщаемы были въ гробахъ въ качествѣ своего рода символовъ: игорная кость, говорили прежніе археологи, означала скоротечность жизни, или же указывала на побѣду надъ смертію, такъ какъ счастливый игрокъ одерживалъ верхъ надъ противниками. Но въ настоящее время всѣ подобныя объясненія оставлены и даже католическіе ученые склоняются къ мысли, что нѣкоторые малопросвѣщенные христіане клали игорныя принадлежности въ гробы покой-

никовъ вслѣдствіе суевѣрія, которое христіане заимствовали у язычниковъ. Въ настоящее время открыто въ катакомбахъ нѣсколько шуточныхъ и неприличныхъ надписей, относящихся къ погребеннымъ здѣсь покойникамъ, любившимъ игры. Надписи эти, находямыя на игорныхъ доскахъ, зарытыхъ вмѣстѣ съ труномъ покойника, отличаются языческимъ характеромъ д). Очевидно, хоронившіе покойниковъ родственники и друзья клали съ тѣлами покойниковъ въ могилу и то, что увеселяло ихъ при жизни. Отъ этого въ гробахъ, кромѣ игорныхъ костей и досокъ вообще, нерѣдко находятъ кости именно со счастливыми нумерами, т.-е. такими, которыми опредѣляется выигрышъ. Наконецъ мы должны указать на тотъ фактъ, что въ одной изъ римскихъ катакомбъ найденъ даже гробъ, какъ гласитъ надпись, «мастера предметовъ, имѣвшихъ отношеніе къ игрѣ въ кости» (*artifex artis tessellariae lusoriae*). Послѣ всего этого едва ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что римскіе христіане III и IV вѣковъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, были страстными игроками, и что общество христіанское слишкомъ снисходительно смотрѣло на такихъ недостойныхъ членовъ его. Что касается IV вѣка, то исторія имѣетъ опредѣленные свидѣтельства, что западные христіане этого времени своею привязанностію къ играмъ обращали на себя вниманіе какъ соборовъ, такъ и писателей церковныхъ. Изъ правилъ собора Эльвирскаго (въ Испаніи, въ началѣ IV в.) видно, что борьба съ игроками входила въ программу его дѣятельности. А по нѣкоторымъ выраженіямъ св. Амвросія, епископа медиоланскаго, можно заключать, что азартная игра доводила нѣкоторыхъ христіанъ до печальнаго нравственнаго состоянія. Въ позднѣйшее время древней Западной Церкви зло не только не уменьшается, но еще увеличивается, какъ

д) Вотъ нѣкоторыя изъ такихъ надписей: „*Victus* (это слово употреблено здѣсь въ значеніи счастливаго игрока) *leva te, ludere nescis, da lusori locum* (дай мѣсто игроку); *Domine, frater hilaris semper ludere tabula* (братъ пусть всегда весело играть на игорной доскѣ). Полный переводъ дѣлать неудобно

это можно видѣть изъ того, что Церковь теперь ведетъ борьбу не противъ увлеченія игрою простыхъ христіанъ,—повидимому зло это представлялось неистребимымъ среди мірянъ,—а монаховъ и духовенства. Значитъ и лица духовнаго сословія не меньше другихъ стали пристращаться къ игрѣ. Григорій Турскій (западный писатель VI вѣка) рассказываетъ очень замѣчательный случай объ аббатиссѣ (игуменьѣ) монастыря св. Радегунды въ Пуатье (во Франціи) Подчиненныя ей монахини обвиняли аббатиссу между прочимъ въ томъ, что она играетъ въ кости. Обвиняемая не запырала, а объявляла въ свое оправданіе, что она стала играть еще при жизни св. Радегунды и что ни св. Писаніе, ни церковныя правила не запрещаютъ играть. Впрочемъ она не отказалась исполнить волю епископа и кинуть игру (*Histor. franc. X, 16*). Соборъ Майнскій (въ началѣ IX вѣка) полагаетъ прещеніе на духовныхъ лицъ и монаховъ, позволявшихъ себѣ азартныя игры. Такъ сильно распространено было рассматриваемое зло на Западѣ къ концу эпохи древней церковной исторіи. Вообще можно утверждать, что западные христіане гораздо больше увлекались азартными играми, чѣмъ восточные.

Переходимъ къ изложенію исторіи борьбы древней Церкви противъ увлеченія христіанъ азартными играми. Сообразно съ тѣмъ явленіемъ, что азартныя игры были больше распространены на Западѣ, чѣмъ на Востокѣ, борьба Церкви Восточной противъ этого зла не такъ энергична и потому не очень богата фактами.

Самое раннее свидѣтельство о борьбѣ Восточной Церкви съ азартными игроками находимъ въ одномъ полемическомъ сочиненіи (оно не дошло до насъ) христіанскаго писателя конца II вѣка — Аполлонія. Этотъ писатель обличаетъ за увлеченіе играми такъ называемыхъ монганистическихъ пророковъ, т.-е. лицъ, которыя считались у этихъ сектантовъ за учителей, руководителей другихъ, и просвѣщаемыхъ непосредственно отъ самого Бога (подобно пророкамъ Ветхаго и Новаго завѣта). Аполлоній говоритъ (Евсевія. Церкви.

Исторія V, 18): «Нужно испытать всё плоды пророка. Скажи мнѣ: пророкъ намащается? пророкъ подкрашивается? пророкъ наряжается? пророкъ *играетъ въ шашки и кости*? пророкъ даетъ деньги въ ростъ? Пусть они по совѣсти скажутъ, позволительно это или нѣтъ? А я докажу, что у нихъ дѣйствительно такъ бывало». Этотъ первый случай обличенія игроковъ между христіанами, къ нашему утѣшенію, касается не христіанъ православныхъ, а отщепенцевъ отъ Церкви. Слѣдуетъ замѣтить объ этомъ обличеніи, что полемистъ перечисляетъ нравственные недостатки монтанистическихъ пророковъ, начиная отъ болѣе извинительныхъ и кончая болѣе тяжкимъ изъ нихъ, и ставитъ игру въ кости и шашки въ срединѣ между болѣе простительными грѣхами и наиболѣе тяжкимъ изъ числа замѣчаемыхъ въ мнимыхъ пророкахъ, — лихоимствомъ. Изъ этого видно, что полемистъ относитъ игру не къ самымъ тяжелымъ грѣхамъ. Почему такъ, опредѣлить трудно. Вѣроятно же всего потому, что на Востокѣ въ это время увлеченіе азартными играми не было сильно и не сопровождалось всёми печальными послѣдствіями этого жалкаго занятія. Почти одновременно съ Аполлоніемъ въ борьбу съ азартными игроками вступаетъ Климентъ, учитель александрійскій. На этотъ разъ дѣло идетъ, повидимому, о нѣкоторыхъ православныхъ христіанахъ богатой и распущенной столицы Египта. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій (Pae-dag. III, 11, 75) Климентъ писалъ: «Мушцины не должны шататься по банямъ (которые тогда служили, замѣтимъ, чѣмъ-то въ родѣ нашихъ клубовъ) и питейнымъ домамъ, болтая всякій вздоръ и наконецъ они должны перестать охотиться за мимопроходящими женщинами; притомъ же они, мушцины, такъ неутомимы въ злословіи другихъ, имѣя въ виду возбуждать смѣхъ. Должны быть запрещены, далѣе, *игра въ шестистороннія кости* (т.-е. кивы), а также удовлетвореніе корыстолюбія *посредствомъ четырехстороннихъ костей* (т.-е. астрагаловъ), чему такъ охотно предаются. Такого рода забавы изобрѣтаетъ расточительность ради праздныхъ людей. Да и изнѣженность причиною этого явленія. Любятъ вещи ничего

нестоющія, лежація внѣ области истины; да и нужно помнить, что нѣтъ ни одного развлеченія, которое не сопровождалось бы потерей». Климентъ, какъ видимъ, много строже относится къ игрокамъ, чѣмъ Аполлоній. Онъ повидимому готовъ считать азартныхъ игроковъ такими же преступниками, какъ прелюбодѣи и праздные люди, извращающіе свои чувства и иждивающіе свое имущество. По крайней мѣрѣ къ такому заключенію приводитъ то обстоятельство, что онъ одинаково недоволенъ поведеніемъ, какъ игроковъ, такъ и прелюбодѣевъ и жалкихъ празднолюбцевъ.—Послѣ времени Климента александрійскаго проходятъ цѣлыя столѣтія, втеченіе которыхъ мы не встрѣчаемъ прецедентъ и порицаній на игроковъ. Едва ли отсюда можно выводить заключеніе, что втеченіе цѣлыхъ вѣковъ восточные христіане вели себя благонамѣренно и не допускали себѣ играть въ азартныя игры. Скорѣе можно думать, что игроковъ было немного и ихъ игры были умѣренны и относительно скромны. Во всякомъ случаѣ дальнѣйшее упроявленіе борьбы противъ азартныхъ игроковъ встрѣчаемъ на Востокѣ уже въ VI и VII вѣкахъ. Въ VI вѣкѣ очень ревностно борется противъ этого зла знаменитый Юстиніанъ, стоящій въ своихъ законахъ на церковной точкѣ зрѣнія и конечно вполне поддерживаемый представителями Церкви. Онъ издаетъ законъ, которымъ строго запрещается *вести азартную игру, какъ публично, такъ и въ частныхъ домахъ* (исключеніе сдѣлано только для нѣкоторыхъ игръ, болѣе невинныхъ). Онъ справедливо находитъ, что игра завлекательна (несмотря на свою нецѣльность), что она ведетъ къ потерѣ имущества, что она всегда пораждаетъ ссоры и ругательства, что она развиваетъ ненасытное корыстолюбіе. Юстиніанъ приказалъ духовенству слѣдить за тѣмъ, чтобы не допускалось недозволенныхъ игръ и чтобы оно доносило правительству о случаяхъ азартной игры. Самимъ духовнымъ лицамъ Юстиніанъ воспрещаетъ не только вести игру, но и смотрѣть на игру другихъ, указывая на то, что игра всегда сопровождается такими явленіями, которыя оскорбляютъ и слухъ и зрѣніе. (Cod. III, 43, 1). Мало это-

го, въ одной изъ своихъ новеллъ (новыхъ законовъ), онъ прямо опредѣляетъ довольно строгое наказаніе духовному лицу, допускающему себѣ заниматься азартною игрою. По опредѣленію Юстиніана, клирикъ, предающійся играмъ, на три года отрѣшается отъ должности и заключается на это время въ монастырь (Novell. 123, 10). Въ VII вѣкѣ относительно увлекающихся азартными играми, на пято-шестомъ (Трульскомъ) вселенскомъ соборѣ, составлено слѣдующее постановленіе, имѣющее въ виду не однихъ мірянъ, но и лицъ духовныхъ. Правило 50 указаннаго собора гласитъ: «никому изъ мірянъ и клириковъ не играть отнынѣ въ азартныя игры (въ греческомъ текстѣ употреблено здѣсь слово: *κὺβελευ*, означающее именно игру въ кости). Если же кто окажется дѣлающимъ это, то если онъ клирикъ, да будетъ *изверженъ* (изъ сана), а если мірянинъ, да будетъ *отлученъ* (отъ св. причастія)» е). Замѣчательно, что въ правилахъ собора Трульскаго азартныя игры поставлены на одну степень съ увлеченіемъ театральными зрѣлищами и зрѣлищами звѣриной травли. Это можно видѣть изъ того, что въ слѣдующемъ (51) правилѣ соборъ увлекающихся этими зрѣлищами подвергаетъ тому же самому церковному наказанію, какому и азартныхъ игроковъ. А нужно сказать, что древняя Церковь очень строго относилась къ увлекающимся театральными представленіями, балетомъ и звѣриною травлею, такъ какъ всѣ эти увеселенія долго сохраняли чисто языческій, необузданный и непристойный характеръ. Послѣ законоположеній Юстиніана и правилъ Трульскаго собора, направленныхъ противъ азартныхъ игроковъ, въ древней Церкви болѣе уже не встрѣчаемъ на Востокѣ новыхъ законодательныхъ опредѣленій по этому предмету. Это конечно зависѣло отъ того, что сейчасъ приведенныя опредѣленія Юстиніана и Трульскаго собора могли служить достаточною уздою для укрощенія упорныхъ игроковъ.

е) Сличи Апостольскія правила 42 и 43.

Скажемъ о тѣхъ усиліяхъ и тѣхъ мѣрахъ, которыя съ своей стороны Церковь Западная употребляла въ борьбѣ противъ страсти къ азартнымъ играмъ. Азартныя игры, какъ мы видѣли, очень рано проникли въ среду западныхъ христіанъ и не переставали вовлекать ихъ въ грѣхъ во все времена, составляющія періодъ древней Церкви. Церковь Западная съ прискорбіемъ смотрѣла на пристрастіе нѣкоторыхъ ея сыновъ къ этому постыдному для христіанина занятію и стремилась къ уврачеванію зла. Эта Церковь то выступала противъ увлекающихся играми съ энергическими, но краткими прещеніями, то подробно и обстоятельно раскрывала и разъясняла опасность и пагубность разсматриваемой страсти. Прещенія краткія, но энергическія дѣлались, какъ соборами, такъ и церковными писателями. Исчислимъ сначала эти прещенія. Древнѣйшее церковное свидѣтельство противъ игроковъ встрѣчаемъ у Тертуліана кареагенскаго. При одномъ случаѣ въ своихъ сочиненіяхъ объясняя слова Христа, сказанныя Имъ въ отвѣтъ тѣмъ, которые заявляли Ему: «вотъ Матерь твоя и братія твои стоятъ, желая говорить съ Тобою», — слова: «кто матерь моя? и кто братія мои?» (Матѳ. 12, 48), Тертуліанъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать нѣсколько замѣчаній противъ игроковъ. Между древними еретиками были и такіе, которые допускали только небесное рожденіе Христа и отрицали Его человѣческое происхожденіе, основывая свое лжеученіе на словахъ Христа: «кто матерь моя? и кто братія мои?» — въ которыхъ, по толкованію указанныхъ еретиковъ, Спаситель будтобы отрицалъ свое человѣческое происхожденіе. Такими еретиками во времена Тертуліана были: Маркіонъ и Апеллесъ. Разбирая и опровергая это лжеученіе, Тертуліанъ справедливо утверждалъ, что на основаніи приведенныхъ словъ Христа никакъ нельзя отрицать Его принадлежность къ человѣческому роду по происхожденію, ибо всякій человѣкъ, разсуждалъ Тертуліанъ,—можетъ иногда находиться въ такомъ положеніи, что онъ какъбы желаетъ на время позабыть о своихъ родителяхъ и своихъ родственникахъ. И

въ примѣрѣ возможности такого положенія указываетъ на игроковъ, объятыхъ страстію къ игрѣ. Тертуліанъ говоритъ: «позволь замѣтить тебѣ, Апеллесъ, или тебѣ, Маркіонъ, развѣ вы, будучи увлечены игрою въ кости или спорами объ актерахъ и наѣздникахъ и услыжавъ, что васъ желаютъ видѣть мать и братья, не воскликнули бы: кто моя мать и кто мои братья?» (De carne Christi, cap. 7). Не вдаваясь въ разсужденія о томъ, прилично ли, умѣстно ли приводить подобные примѣры, когда рѣчь идетъ о Божественномъ Искупителѣ (замѣтимъ однако: едва ли наше время болѣе благочестивое на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, вправѣ строго судить древнехристіанскихъ писателей, хоть и неразборчивыхъ на словахъ, но за то исполненныхъ дѣйствительною ревностию по Бозѣ), укажемъ, какъ сравнительно много сказано Тертуліаномъ въ немногихъ словахъ по интересующему насъ вопросу. Во первыхъ, какъ тонкій психологъ, онъ отмѣчаетъ самозабвеніе, до какого доходить азартный игрокъ: такой игрокъ, какъ извѣстно, готовъ забыть обо всемъ на свѣтѣ, за исключеніемъ самой игры: онъ не помнитъ ни о своихъ общественныхъ, ни семейныхъ обязанностяхъ; онъ такъ объятъ постыдною страстію, что отъ него легко услышать: «да что мнѣ мать, братья; мнѣ теперь не до нихъ!» Въ вторыхъ, тотъ же писатель, желая образумить приверженныхъ къ игрѣ своихъ единовѣрцевъ, сравниваетъ ихъ увлеченіе игрою съ увлеченіемъ театромъ и конскими бѣгами; для насъ только тогда будетъ понятна степень строгости Тертуліанова сужденія, когда припомнимъ, что театръ тогда отражалъ и совмѣщалъ всѣ худшія стороны языческаго общества: представленія заимствовали свои сюжеты изъ языческой мифологіи, рѣчь постоянно шла о Венерѣ да о Бахусѣ; театръ былъ учителемъ безнравственности и убѣжищемъ для безобразныхъ оргій. Сравнивая увлеченіе игрою съ увлеченіемъ театромъ, онъ тѣмъ самымъ порицаетъ игроковъ, какъ самый худшій родъ людей. — Изъ III вѣка мы не имѣемъ указаній на борьбу на Западѣ съ разсматриваемымъ зломъ. Но за то въ IV вѣкѣ противъ него вооружаются и соборы и церковные писатели.

Преждеупомнутый нами соборъ Эльвирскій постановилъ такое правило (прав. 79): «если кто изъ числа вѣрующихъ (христіанъ) играетъ въ кости ради денегъ (*pinnis*), таковой пусть перестанетъ это дѣлать; онъ долженъ быть на годъ лишенъ права принимать св. причастіе, и допущенъ до причастія по истеченіи указаннаго срока лишь въ случаѣ исправленія поведенія». Вотъ первое церковное правило, которымъ игрокъ, приверженный къ азартнымъ играмъ, подвергается важному церковному наказанію. Но, какъ кажется, постановленіе собора Эльвирскаго нисколько не уврачевало недуга. По крайней мѣрѣ въ томъже IV вѣкѣ (въ концѣ его) св. Амвросій медиоланскій сильно ратуетъ противъ увлекающихся играми. Св. отецъ, обличая игроковъ между христіанами, сравниваетъ прибыль, добываемый путемъ игры, съ воровствомъ, ставитъ его на одну степень съ барышемъ, получаемымъ ростовщиками, и говоритъ, что самыя лица, предающіяся игрѣ, похожи по своимъ нравамъ на дикихъ звѣрей (въ соч. его: *De Tobia*, сар. 11). Какъ ни суровъ приговоръ св. отца относительно азартныхъ игроковъ, этотъ приговоръ вполне справедливъ. Азартные игроки, если имъ счастье благоприятствуетъ, т.-е. они выигрываютъ, — мало чѣмъ отличаются отъ воровъ и ростовщиковъ: воръ и ростовщикъ обогащаются безъ труда, они не потомъ и кровію создаютъ свое благосостояніе,—точно тоже и счастливые игроки. Азартные игроки съ другой стороны всѣ вообще, какъ справедливо замѣчаетъ св. Амвросій, похожи на дикихъ звѣрей: какъ звѣри только и заняты однимъ — отыскиваніемъ себѣ обильнаго корма, такъ и у игроковъ — одно на умѣ: выиграть побольше во что бы то ни стало; какъ звѣрь, подѣвліаніемъ голода, доходитъ до остервененія, такъ и азартный игрокъ, подѣвліаніемъ ненасытнаго корыстолюбія, готовъ обобратъ всѣхъ, не различая друзей, родныхъ, бѣдняковъ, проигрывающихъ въ азартной игрѣ послѣднюю копѣйку; какъ вершину наслажденія для звѣря составляетъ лакомый кусъ, такъ для игрока большой кусъ денегъ, услаждающихъ корыстолюбивую душу.—Какъ кажется, и голосъ знаменитаго

отца Церкви не имѣлъ большаго вліянія на Западѣ. Такъ можно думать на томъ основаніи, что соборъ Майнскій (813 г.) запрещаетъ пристращаться къ азартнымъ играмъ (aleas anage) лишь лицамъ монашескаго и духовнаго чина (прав. 14), а о мірянахъ не упомянуто, — не упомянуто вѣроятно потому, что Западная Церковь не находила средствъ обуздать мірянъ, предоставивъ ихъ въ этомъ случаѣ ихъ собственной совѣсти.

Самое обстоятельное, самое внушительное раскрытіе всѣхъ темныхъ сторонъ увлеченія азартными играми сдѣлано на Западѣ въ трактатѣ: «Объ игрокахъ» (De aleatoribus), древнѣйшемъ латинскомъ христіанскомъ сочиненіи, приписываемомъ учеными (Гарнакомъ) римскому епископу II вѣка — Виктору. Сочиненіе это представляется намъ настолько богатымъ назидательными мыслями, что мы рѣшились сдѣлать изъ него большія извлеченія и помѣстить ихъ въ концѣ нашей статьи, на основаніи правила: «конецъ вѣнчаетъ дѣло». Авторъ - епископъ пишетъ: «мы обезпечены за все братство наше (христіанъ) по причинѣ дерзости игроковъ, которые и другихъ вводятъ въ соблазнъ и сами приносятъ себѣ пагубу. Господь по своему милосердію внушаетъ намъ, чтобы никто изъ вѣрующихъ по неосторожности не попадалъ снова въ сѣти діавола; Онъ повелѣваетъ намъ быть предусмотрительными и опытными, такъ какъ діаволъ различными способами уловляетъ чадъ Божіихъ. Испытанія его разнообразны; главнѣйшія изъ нихъ вотъ: идолопоклонство, прелюбодѣяніе, воровство, грабежъ, корыстолюбіе, обманъ, пьянство и т. д.; къ числу этихъ же испушеній относится и игорная доска. На ней стоитъ самъ діаволъ со смертоубійственнымъ ядомъ змѣи и приводитъ вѣрующихъ къ паденію, уловляя ихъ кажущеюся невинностію занятія. Но вспомните: должна ли рука, очищенная отъ неправдъ человѣческихъ, принимающая участіе въ Господней жертвѣ, поднимающаяся вверхъ для хвалы Господа (указаніе на древній способъ молитвы посредствомъ воздѣянія рукъ), полагающая крестный знакъ

на челѣ, получающая божественныя таинства (въ древности евхаристическій хлѣбъ давался прямо въ руку причастнику), снова запутываться въ тенетахъ діавола? Рука игрока причиняетъ поврежденіе и осуждаетъ сама себя, ибо игорная доска есть орудіе діавола, причиняющее неисцѣлимую рану. Здѣсь діаволь торжествуетъ свою побѣду надъ нами; здѣсь возникаетъ вѣроломство и лжесвидѣтельство. Вокругъ игорной доски царитъ безумный смѣхъ, ни во что ставится божба, и слышится шипѣніе подобное змѣѣ; самыя злыя страсти, споры, ругательства и дикая зависть не умолкаютъ около игорной доски и ссорятъ между собою братьевъ и друзей. На игорной доскѣ растрачивается состояніе, съ трудомъ нажитое; что заработано предками въ потѣ лица, это самое губится вслѣдствіе постыднаго занятія игрока. О злощастная рука, бьющая того, кому принадлежитъ, рука не знающая покою, день и ночь вооруженная бессмысленнымъ инструментомъ, и не прежде перестающая играть, какъ когда отвратительныя кости уносятъ все имущество и игрокъ остается бѣденъ и нищъ. Законъ Божій ненавидитъ эти кости, ибо онѣ порождаютъ страшное преступленіе и горькую нищету. Игорная доска есть изобрѣтеніе діавола, имѣющаго въ виду обнищаніе человѣка и побуждающаго—человѣка играть даже и тогда, когда у послѣдняго уже ничего не осталось. Безъ какого-либо процесса человѣкъ лишается всего своего достоинства. Никто не причиняетъ ему вреда, никто не преслѣдуетъ его, но онъ самъ преслѣдуетъ себя и иждиваетъ свое и отеческое наслѣдство игрой въ разнообразныя костяшки. Этого мало: игроки проводятъ у банкмета цѣлыя ночи въ обществѣ блудницъ, при запертыхъ дверяхъ. Отсюда рождается двоякаго рода преступленіе: здѣсь раздаются звуки отъ метанія костей, а тамъ въ молчаніи совершается прелюбодѣяніе; здѣсь при забвеніи своего достоинства въ игорной горячкѣ растрачивается игрокомъ имущество, а тамъ (въ спальнѣ) выпивается смертоносный ядъ. Кто изобрѣтатель этого преступленія (игры)? Объ этомъ говорятъ писатели.

Кто-то знакомый съ науками^{ж)} пожелалъ приобрѣсти себѣ божескія почести, велѣлъ сдѣлать себѣ статую, въ рукахъ которой находилась игральная доска, обозначилъ на статуѣ свое имя и прослылъ изобрѣтателемъ. Его именемъ стали зваться каждый игрокъ, даже принадлежащій къ христіанскому обществу; игроки стали приносить ему жертву. Кто играетъ въ кости,—продолжаетъ авторъ,—тотъ совершаетъ злодѣяніе и въ день суда (страшнаго) будетъ брошенъ въ огонь. Кто играетъ въ кости, тотъ напередъ обязывается принести жертву изобрѣтателю игры, слѣдовательно дѣлается идолопоклонникомъ, а этихъ послѣднихъ, по слову Писанія, ожидаетъ смерть вѣчная. Но и тотъ, кто не приноситъ языческой жертвы предъ началомъ игры, все же виновенъ въ подобномъ же преступленіи, ибо Св. Писаніе многократно грозитъ осужденіемъ и всякому соприкосновенію со скверною. Каждый христіанинъ, увлекающійся игрою, пусть знаетъ, что онъ не христіанинъ, а язычникъ, и его участіе въ Господней жертвѣ не будетъ имѣть для него значенія. Христіанинъ-игрокъ напрасно называется христіаниномъ, ибо онъ находится въ сѣтяхъ міра и, сдѣлавшись другомъ врага Христова, не можетъ пребывать въ содружествѣ со Христомъ. О неразумные христіанскіе игроки, которые держатъ себя также худо, какъ и языческіе игроки; вѣдь и первые также впадаютъ въ ярость, кричатъ, даютъ ложныя клятвы, бранятся, впадаютъ въ отчаяніе, проматываютъ свои имущества; увлекаемые діаволомъ и неразумной страстью, они продолжаютъ играть, несмотря на проигрышъ, пока не останутся наги. Играющій христіанинъ пятнаетъ свою руку идоложертвеннымъ, между тѣмъ какъ Господь возвѣщаетъ свой гнѣвъ простирающимъ свои руки къ злему, а Апостолъ (Павелъ) говоритъ: «не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ, но воздерживайтесь ото всякой неправды міра» (въ смыслѣ:

ж) Преданіе это, вѣроятно, возникло по той причинѣ, что различныя „ходы“ въ игрѣ носили имена лицъ историческихъ или мифологическихъ —признакъ учености.

Рим. 12, 2). Въдѣ здѣсь дѣло идетъ о грѣхѣ противъ Бога, за который, какъ свидѣтельствуесть Писаніе, нельзя ожидать ни извиненія, ни снисхожденія, ни прощенія. Несчастный, удержиись отъ своего безумія! Зачѣмъ ты вмѣстѣ съ діаволомъ хочешь низвергнуться въ сѣть смертную? Такъ какъ ты воздаешь хвалы врагу твоему (діаволу), то необходимо и наказанъ будешь вмѣстѣ съ нимъ. Не какъ игрокъ, а какъ христіанинъ, принеси лучше деньги твои на трапезу Господню, гдѣ предсѣдаетъ Христосъ, гдѣ ангелы взирають, и мученики присутствуютъ; раздѣли свое достоиніе между бѣдными». Затѣмъ авторъ-святитель начинаетъ говорить метафорически и очень остроумно пользуется различными выраженіями, взятыми изъ языка игроковъ, напримѣръ: «игра», счастливый «игрокъ», «развлеченіе», «искусство игрока» — для того, чтобы отвлечь игрока отъ этого постыднаго дѣла и сдѣлать изъ него благочестиваго христіанина; особенно остроумно говоритъ авторъ въ этомъ случаѣ, когда пишетъ: «да будетъ ежедневно игра твоя (игрока) съ бѣдными» (т.-е. пусть онъ занимается этими послѣдними). Въ заключеніе писатель внушаетъ: «бѣгай діавола, бѣгай костей — этихъ враговъ твоихъ добрыхъ дѣлъ; выбрось вонъ кости изъ сердца твоего» (см. Гарнакъ, вышеуказанное сочиненіе).

Мы познакомились съ древнѣйшимъ христіанскимъ сочиненіемъ противъ игроковъ. Оно достойно полнаго вниманія. Обличенія заключающіяся въ немъ многосторонни. Оно старается вразумить страстнаго игрока ссылками на Св. Писаніе, раскрываетъ вредъ и пагубу игры для души человѣка, особенно христіанина, обращаетъ вниманіе игрока на возможность потери всего имѣнія, указываетъ на непристойность и зазорность того общества, среди котораго вынужденъ вращаться игрокъ. Словомъ, писатель разсуждаетъ и какъ благочестивый богословъ, и какъ опытный психологъ, и какъ осторожный экономистъ.

Несправедливо было бы думать, что обличенія, прещенія и увѣщанія древней Церкви, обращенныя къ азартнымъ игрокамъ, не имѣютъ приложенія къ нашему времени. То правда, что теперь не существуетъ тѣхъ самыхъ игръ, которыя имѣла въ виду древняя Церковь, не существуетъ и многихъ обычаевъ, сопровождавшихъ игры въ прежнее время. Но измѣнились только формы, а сущность осталась одна и таже. Теперь нѣтъ азартной игры въ кости, но выдуманы азартныя игры въ карты и рулетку. А главное: поведеніе, нравы игроковъ нашего времени совершенно одинаковы съ поведеніемъ и нравами игроковъ давняго времени: прежде среди азартныхъ игръ бранились, всячески клялись, допускали неистовый шумъ, завиствовали и ненавиствовали, т.-е. нравственно портились; но не то ли видимъ и теперь? Прежде играли въ надеждѣ на быстрое и незаслуженное обогащеніе; тѣмъ же мотивомъ руководятся и игроки нашего времени. Прежде несчастливые игроки проигрывались до послѣдней нитки; то же бываетъ и теперь. Старинные игроки были суевѣрны; а развѣ мало суевѣрныхъ примѣтъ радостно или печально настраиваетъ душу теперешняго игрока? Даже обстановка игроковъ прежняго и теперешняго времени мало измѣнилась: прежде играли въ обществѣ публичныхъ женщинъ; но и въ настоящее время, — какъ скоро появляется газетное извѣстіе о томъ, что полицейскому надзору удалось обнаружить существованіе тайнаго игорнаго притона и заарестовать виновныхъ, — въ числѣ необходимыхъ принадлежностей такого притона почти всегда фигурируютъ женщины легкаго поведенія, имѣющія значеніе приманки. Если такъ много схожаго между проявленіями страсти къ азартнымъ играмъ въ прежнее и нынѣшнее время, то обличенія, прещенія и увѣщанія древней Церкви, обращенныя къ игрокамъ давняго времени, сохраняютъ всю свою силу и для нашего вѣка. Въ особенности не слѣдуетъ забывать, что одно изъ правилъ вселенскаго собора (Трульскаго) прямо запрещаетъ всѣмъ христіанамъ азартныя игры. Правда, правило это, по благоснисхожденію Церкви, не дѣйствуетъ,

но оно не отмѣнено и призываетъ нарушителей его къ исправленію своей жизни, если они дѣйствительно считаютъ Церковь своею матерью. — Да и одни ли азартные игроки могутъ извлекать для себя полезныя уроки изъ тѣхъ обличеній и прещепій, съ какими обращается древняя Церковь противъ азартныхъ игръ? Всякій, играющій въ какую-либо игру на деньги и чувствующій пристрастіе къ ней, уже носить въ своемъ сердцѣ зачатки той болѣзни, которою страдаютъ игроки азартные. Какъ легко изъ игрока для развлечения сдѣлаться игрокомъ азартнымъ? Пусть и для такихъ людей голосъ древней Церкви послужитъ вразумленіемъ и предостереженіемъ.

А. Л—овъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru